

причинам татарской общины в этом регионе уже не существует. Мизары являются памятниками историко-культурного наследия польского государства и находятся под его опекой. Данные кладбища – это ценные источники по истории татар этого региона, в том числе отражающие определенные особенности религиозного культа татарско-мусульманского населения польско-белорусского пограничья в целом. Несмотря на частичное их разрушение в ходе столетий, отраднo то, что на современном этапе пришло понимание ценности этих мест и стремление к их изучению, сохранению и актуализации.

1. *Hordejuk, S.* Zarys dziejów miejscowości Studzianka – Режим доступа : <http://www.studzianka.pl/historia.ht>. – Дата доступа : 25.05.2020.

2. Archiwum Państwowe w Lublinie. Zespół 116 RGL, Referat IV Wyznaniowy, G. Wyznaniamaometanskie. Smentarze 1887 : 145. Люблинское губернское правление. По отношению Ломжинского губернского правления об магометанском кладбище

3. Archiwum Państwowe w Lublinie. Zespół 116 RGL, Referat IV Wyznaniowy, G. Wyznaniamaometanskie. Smentarze 1893 : 81. Люблинское губернское правление. По вопросу о местах погребения тел умерших магометан.

4. *Wenda, L.* Zapomnianyrod Okmiskich, czyliwybranezagadnieniabiograficzneprzewidywielitatarskiegoroduwspolnotytatarskiejwStudziance wXIXwieku / *L. Wenda* // Tatarskiebiografie. Indywidualnelosy – ichwpływ nabudowanieIpodtrzymanietozsamosci grupy. – Polskie Towarzystwo Historyczne, red. naukowa *A. Konopacki*. – Białystok, 2019. – 250 s.

Gribova S. Tatar-Muslim Burials on the Territory of the Polish-Belarusian Borderland on the Example of Misars of the Lublin Voivodeship

This article is devoted to the study of the peculiarities of the burial places of the Tatar-Muslim population on the Polish-Belarusian borderland. In the article, the author analyzes the state of the Tatar cemeteries (mizars) in the village of Stuyanka and the village of Zastavek of the Lublin Voivodeship, preserved to this day. The earliest burials in these cemeteries date back to the 18th century. The author notes that representatives of famous Tatar families and prominent Tatar figures, such as General Yuzef Belyak, Colonel Yakub Azulevich, Colonel Samuel Murza Koritsky, etc., were buried here. The author draws attention to the fact that these mizars are valuable evidence of the Tatar population living here, since today the Tatar-Muslim community as well as the mosque in this region no longer exists.

УДК 947.6 «1830/1831»

Карнович О. В.

ДЕЙСТВИЯ ПОВСТАНЧЕСКОГО ОТРЯДА ТИТУСА ПУСЛОВСКОГО НА ПОЛЕСЬЕ ЛЕТОМ 1831 ГОДА

В ноябре этого года отмечается 190-летний юбилей восстания 1830–1831 годов. События тех далёких лет на территории современной Беларуси по сей день являются поводом для дискуссий и в большинстве своём остаются малоизученными. В данной публикации на основе неизвестных ранее источников сделана попытка проследить основные этапы формирования, социальный состав и боевые действия повстанческого отряда помещика Адама-Титуса Пусловского на территории Пинского и Кобринского уездов летом 1831 года.

События восстания 1830–1831 годов на землях Беларуси в отечественной историографии по настоящее время освящены довольно скупо. Ещё меньше сведений по отдельным эпизодам восстания в различных регионах современной Беларуси.

Из комплексных отечественных исследований по данной проблематике можно выделить лишь труды советских историков, изданных в 60-70-х годах XX века (И.А. Воронков, В. А. Дьяков, В. М. Зайцев, Л. А. Обушенкова, Н. П. Митина) и монографию современного белорусского историка О.В. Горбачевой [1]. К сожалению, при исследовании сословного характера восстания 1830–1831 годов, вышеперечисленные специалисты пользовались в основном материалами Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и практически не были затронуты белорусские архивы в Гродно и Минске. Вместе с тем имеется ряд исследований по участию населения отдельных регионов в восстании 1830–1831 годов, проведённые на базе Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в Гродно в Минске [2]. В данном материале рассматривается подготовка к восстанию в Пинском уезде, а также боевые действия отряда Титуса Пусловского на территории Кобринского уезда Гродненской губернии и Пинского уезда Минской губернии.

Подготовка восстания.

Пинский уезд в период событий 1831 года находился в относительной отдалённости от основных эпицентров восстания. В основном активные действия велись на территории Беловежской пуши, в Лидском и Новогрудском уездах Гродненской губернии, а также Дисненском и Вилейском уездах Минской губернии. Но и здесь, в Пинском уезде, произошли волнения, которые в случае успеха, могли существенно осложнить положение властей. Это касается боевых действий отряда одного из представителей высокопоставленной знати, потомка влиятельного рода Титуса Пусловского.

Подготовка восстания в Пинском уезде началась весной 1831 года. В апреле ряд волынских помещиков во главе с Нарцизом Олизаром начали прощупывать пинскую элиту на возможность вооружённого выступления. Была достигнута договорённость, что повстанцы Волыни выступят раньше и, продвигаясь на север, поднимут на выступление и Полесье [3, с. 61]. По мере приближения волынских повстанцев к границам Минской губернии, их пинские единомышленники должны были захватить уездный город и идти на соединение с отрядами Ошмянского уезда. Таким образом, согласно первоначальному плану, восстание должно было охватить полностью Минскую губернию и перекинуться на Виленскую [4, с. 98].

Вышло всё иначе. Повстанческие отряды на Волыни были разгромлены и отошли на юг, на австрийскую границу, а власть сыграла на опережение. Уже 9 апреля 1831 года командующий Резервной армией генерал от инфантерии граф П. А. Толстой в донесении императору Николаю I писал о принятых мерах: «Дабы мятежники Волынской губернии из Луцкого повета не могли пробраться к Пинску, я приказ отправит туда один резервный батальон, а генерал-фельдмаршал Сакен (граф Ф. Б. Остен-Сакен – О. К.), по сношению моему, приказал отрядам, действующим в северной части Волыни, проходить как можно далее к Пинску и истреблять собирающиеся шайки» [5, с. 379]. В итоге полесское дворянство было вынуждено на время приостановить подготовку к восстанию и ждать удобного случая.

Отряд Пусловского.

Этот случай настал летом, когда в начале июня 1831 года в своё имение Планты Пинского уезда (35 км северо-восточнее Пинска) вернулся Адам Титус Пусловский, отставной корнет Александрийского гусарского полка. Сын помещика Войцеха Пусловского практически всё время проводил в своём доме в Вильно, где недаром считался представителем «золотой молодёжи». Сам Войцех Пусловский – обладатель бесчисленных имений в Слонимском (Альбертин, Пески, Шидловичи, Косово), Кобринском (Хомск), Пинском (Планты, Телеханы, Кужличин), Гродненском (Свислочь), а также в Могилёвском и Виленском уездах с общей численностью более 40 тысяч душ обоих полов; владелец суконных и бумажных мануфактур, винокурен, дворцов и прочей недвижимости – являлся одним из богатейших людей своего времени на белорусских землях.

Здесь, в относительном удалении от цивилизации уездного центра, корнет Пусловский занимался разработкой плана выступления. По всей видимости, он поддерживал контакты с командованием польской регулярной армии, которое рассчитывало на выступление его повстанцев [6]. При помощи проверенных людей Пусловский также состоял в переписке с польским генералом Децидерием Хлоповским относительно поддержки последним вооружённого выступления в регионе. В свою очередь барон Хлоповский прислал ему патент на звание полковника польской армии. Так, корнет русской армии превратился в полковника польской [7, s. 138]. Для успешного выполнения плана необходимо было пополнение людьми, продовольствием и боеприпасами, финансовыми средствами. Всё это Пусловский рассчитывал получить в обширных владениях своего отца. Власти знали о неких приготовлениях и подозрительных путешествиях из уезда в уезд отставного гусарского офицера. И даже отправили в Плантах из Пинска резервный батальон под командованием майора Дулова. Но армейцы по каким-то причинам не смогли добраться до имения. Может, помешало традиционное отсутствие подъездных путей, а может и не менее традиционное разгильдяйство [5, с. 379].

Как бы то ни было, в середине июня 1831 года Титус Пусловский начал формирование своего отряда. Над вопросом о том, как вооружить своё воинство долго думать не пришлось. Крестьяне были обеспечены собственными косами, с вертикально примкнутым к древку лезвием. Для дальнего боя толка от таких вояк толка особо не было, они всегда были пушечным мясом, а в ближнем бою в умелых руках подобная коса могла стать грозным оружием. Как обычно, «добровольно-принудительным порядком» были рекрутированы собственные крестьяне и дворовые люди, а также мелкая шляхта, проживающая на господских землях. Шляхта поступала в отряд с собственными лошадьми и саблями, некоторые имели на вооружении охотничьи ружья.

Костяк отряда составили 8 верных людей Титуса Пусловского, приехавших с ним в Плантах. Чуть позднее из Новогрудского уезда прибыл некий дворянин Полубинский с подарками в виде 5 лошадей и нескольких пудов пороха. Позже к отряду присоединились шляхтичи Новогрудского уезда Адам Чарковский и Пётр Свержинский. Адъютантом Пусловского стал некий Странгульский, секретарём отряда – 18-летний Михаил Холевинский. Капелланом был ксёндз из Кобринского уезда Пётр Заславский. Несколько учеников Кременецкого лицея прибыли к Пусловскому из Волынской губернии [7, s. 140; 3, s. 62]. Имеются сведения, что Войцех Пусловский передал Титусу 200 тысяч злотых (около 80 тысяч рублей) на формирование отряда [8, с. 185].

28 июня (по новому стилю) Пусловский с отрядом в 50 человек кавалерии и 100 пехоты перешёл в Слонимский уезд. Здесь к нему в общей сложности присоединилось ещё до 300 человек (из них 80 вооружённых ружьями), в том числе 118 крестьян и дворовых людей из имений отца. Исчерпав резервы, Пусловский повернул на юг и в ночь со 2 на 3 августа ступил в пределы отцовского имения Хомск Кобринского уезда, где к нему подошли 20 рабочих местной суконной фабрики. Как отмечалось в рапорте земского исправника, причиной бегства стали тяжёлые условия труда, нищенская оплата и недостаток питания [4, с. 99]. Пополнившись людьми, он двинул на Дрогичин, где с почтовой станции Дрогичина было забрано 10 лошадей [5, с. 380; 3, s. 62]. Далее, получив сведения о выступлении из Слонима кавалерии правительственной армии во главе с полковником Ильинским, Пусловский выдвинулся быстрым маршем через селения Попино и Ляховичи к дер. Осовцы, на самой границе с Ковельским уездом. Здесь, в густых лесах близ имения помещика Гутовского, повстанцы получили небольшую пере-

дышку для пополнения запасов. Сам Гутовский поставил повстанцам 22 своих холопа, помещик соседнего имения Корженевский пришёл сам, привёл 18 крестьян и пожертвовал в кассу 150 рублей серебром, монах Березовского картезианского монастыря Гениуш прислал на помощь 10 собственных вооружённых крестьян [9, лл. 90–91 об.]. Эти манёвры не остались незамеченными властями. Кобринский земский исправник в рапорте отмечал, что «С 21-го на 22-е число сего течения ночью Титус Пусловский, вторгнувшись из Слонимского в пределы Кобринского у. с шайкой мятежников, в которой, быть может, кавалерии и пехоты по 300 человек, первоначально снял на Дрогичинской почтовой станции 10 лошадей с упряжью, а потом, следуя скорым маршем по тракту на имения Попину, Гнилые Лаловичи и Осовцы, состоящие при границе Ковельского у. Волынской губ., в окружающих имениях насильно забрал 54 дворовых и другого звания людей, одного клирика францисканского дрогичинского монастыря и униатского попинской церкви священника, из числа коих некоторые по большей части добровольно к нему присоединились, сверх того, взяв 32 лошади...» [6].

Упомянутые в рапорте священники были в действительности широко представлены в отряде Пусловского. В Березе при францисканском монастыре первоначально был сформирован повстанческий отряд «воинствующих монахов» во главе с Франтишеком Каминским, в число которого вошли Ламберт Плющевский, Ян Мрочковский, Клавдий Пахневский, Винцент Малиновский, Вавринец Молощевич, Розадей Розбицкий, Тадеуш Годлевский. По некоторым данным отряд насчитывал около 30 человек. Монахи планировали идти на соединение с повстанцами из Беловежской пуши, однако были разбиты войсками [4, с. 96]. Остатки отряда присоединились к Пусловскому вместе со своим доктором, внося в казну также 110 золотых червонцев [9, лл. 90–91 об.]. Из Дрогичинского францисканского монастыря к повстанцам Пусловского ушли Ян Ольшевский, Бонавентура Боневич, Ян Гинтовт, Бонавентура Довгелович, Адриан Дершак, Юзеф Заславский, Ян Шеметило, Юзеф Пиоровский. По некоторым сведениям, этот монастырь полностью покинули все монахи [10, лл. 228–237 об.].

В итоге к 8 августа 1831 года численность повстанческого отряда составила около 1000 человек – сила, при достаточной выучке и вооружении, довольно внушительная. Но что можно ожидать от необученных простых холопов, по большей части не понимающих, куда их гонят?

На подавление волнения из Пружан 6 августа выдвинулись армейские части в составе 500 человек кавалерии, 600 человек пехоты при одной орудии под общим командованием подполковника Лубенского гусарского полка Ильинского. Повстанцы, уходя от преследования, направились на восток, разграбив по пути почтовые станции Бродницы и Дубой, переправились через Пину и сожгли за собой мост. Ильинский, преследуя повстанцев, также завернул в Дубой, где получил подкрепление из Пинска в сто нижних чинов резервного батальона 24-го егерского полка под командованием майора Дутова. Именно егеря навели переправу через Пину, и, как сообщают рапорты военных, «на рассвете 8 августа (27 июля) гусары перешли реку и атаковали повстанцев, которые, не выдержав быстрого нападения, пустились бежать по дороге к Невелю» [5, с. 381–382; 3, с. 63–64].

Не выдержав сражения, воинство Пусловского разделилось на несколько групп и разбежалось в разные стороны. Командиру отряда стоило немалых усилий собрать разрозненные толпы и соединить их в лесу в 12 верстах от сел. Кончицы [3, с. 64]. Отведя сделавших своё дело гусар на отдых, Ильинский повёл в атаку драгун, в результате чего повстанцы спешно отступили к Невелю, где «построившись на выгодной позиции в колонну, решились дать войску нашему сильный отпор». После этого русский отряд был разделён на три части: егеря и драгуны обошли повстанцев с флангов, гусары атаковали противника в лоб [5, с. 382].

В результате жаркой кровопролитной схватки повстанческий отряд был полностью разгромлен. В рапорте военному министру графу А. И. Чернышеву говорилось о более чем 400 погибших и 87 пленных, был захвачен значительный обоз. Русские войска потеряли 14 нижних чинов убитыми и 22 ранеными. Сам Ильинский по горячим следам назвал свои потери в 8 убитых и 16 раненых нижних чинов. Уцелевшие повстанцы разбежались по лесам, откуда их постепенно вылавливали иррегулярные части и инвалидные команды. Сам Титус Пусловский в схватке был ранен саблей и «обязан спасению одной быстроте своей лошади, на которой успел ускакать с 8 конными мятежниками» [5, с. 382; 3, с. 64]. Как отмечал польский историк Станислав Дангель, в числе этих счастливых были уже упоминавшийся Полубинский, Савицкий, два брата Ольшевцы из Гродненской губернии и некий офицер польской армии Дроздинский. Все они, оторвавшись от погони, сумели уйти на Волынь, где присоединились к отряду Кароля Ружицкого [3, с. 64].

После разгрома отряда Пусловского для «умиротворения местности» в Хомск и Дрогичин были направлены драгунский и конно-егерский эскадроны подполковника Павловского, в мест. Леонполь – гусарский эскадрон подполковника графа Толстого, гарнизон Пинска усилили эскадронами кавалерии [5, с. 383].

Последствия восстания.

На сегодняшний момент удалось достоверно установить имена и социальное происхождение 208 повстанцев из отряда Титуса Пусловского. Из них 142 (68,3 %) были крестьянами из Пинского, Кобринского и Слонимского уездов, 15 – помещиков, 18 – беспоместных дворян, 10 – шляхтичей, 13 человек являлись служащими различных помещичьих имений, 10 представляло католическое монашество [9, лл. 90–91 об.; 11, лл. 77 об-80 об.].

Удалось проследить дальнейшую судьбу некоторых повстанцев Пусловского. Погибли в сражениях католические священники Винцент Малиновский, Вавринец Молощевич, Клавдий Пахневский. Ранение в ногу под Невелем получил Франтишек Каминский, затем отсидел год в Бобруйской крепости и был отправлен солдатом в Кавказский особый корпус. Ян Заславский был выслан в Вятку. Тадеуша Годлевского этапировали в Пермскую губернию [3, с. 158–164].

По-разному сложились судьбы представителей дворянства. Как известно, следственные комиссии далеко не полностью учитывали всех попавших им в руки участников восстания. Крестьян, взятых в плен при разгроме того или иного отряда, нередко отпускали на прежнее место жительства после обязательной проверки. В основном это мотивировалось тем, что они были насильственно мобилизованы своими помещиками. Основной упор следствие делало именно на розыск и наказание повстанцев из числа дворян. По указам императора от 22 марта, 6 мая и 4 июня 1831 года, повстанцы разделялись на 3 разряда [12, с. 33]:

1. предводители бунта;
2. участники боевых действий против войск и законной власти;
3. подписавшие возмутительные акты, но непосредственно участия в мятеже не принимавшие.

Пленные дворяне из отряда Пусловского проходили в основном по второй категории. По сведениям современного исследователя О. В. Горбачевой и польского историка межвоенного периода Станислава Дангеля, они были отданы под суд, либо отправлены в Кавказский корпус рядовыми. Так, в остроге в Пинске оказались Виктор Курженецкий и Антоний Ожешко. В Псков были отправлены Франтишек Будревич, Василий Макаровский, Ян Петрашко, Матеуш Семашко и Ян Войткевич. Служившие в имени Титуса Пусловского шляхтичи Ян Станкевич и Антоний Врублевский отданы в рекруты. Игнатий Полубинский был посажен в Гродненский тюремный замок. Кароля Юдиновича из Ковенского уезда приговорили к одному году в Бобруйской крепости. Сын бывшего предводителя дворянства Пинского уезда Павел Рызевский был отправлен в Астрахань. Помещик

Гродненской губернии Константин Пилецкий сумел бежать в Пруссию. Президент Слонимского уездного суда Игнатий Полубинский отправлен рядовым в Кавказский особый корпус. Помещик Пинского уезда Юзеф Твардовский был взят в плен, но получил прощение и оставлен на прежнем месте жительства. Аналогично поступили власти и в отношении Виктора Холевинского, помещиков Кобринского уезда Александра и Антония Шпаковских. Земский судья Слуцкого уезда Пётр Свержинский (имение Любешов) был ранен в битве под Невелем и умер от ран в Бобруйской крепости. Степан Щучинский также получил ранение под Невелем, скончался от ран в Пинске [3, s. 64, 117–156; 13; 7, s. 140–141].

Примечательно, что большинство крестьян, взятых в плен под Невелем, получило «высочайшее помилование», и они были оставлены на прежнем месте жительства. Только несколько человек были сосланы в Сибирь и рядовыми в Кавказский особый корпус [13].

Ряд представителей крупного дворянства выехали в Царство Польское сразу после начала восстания и вступили в состав регулярной польской армии. Известен случай про владельца имений в Пинском уезде князя Грациан Друцкий-Любецкий, который служил в польской армии рядовым 4-го егерского полка и был убит в одном из сражений против русских войск [4, с. 134].

Сейчас, спустя почти два века, трудно ответить, что двигало крестьянами из отряда Пусловского: даже сухие строчки протоколов допроса не всегда скажут правду о мотивах этих неудавшихся повстанцев. Несомненно, что значительную часть из них согнали помещики силой. Наверняка были и те, кто добровольно присоединился к повстанцам, надеясь на изменение своего и так незавидного положения в лучшую сторону. Возможно, что сам Титус Пусловский, учитывая его практически неограниченные финансовые возможности, вербовал в свой отряд за денежное вознаграждение, либо за какие-либо вольности в дальнейшем. Мы не располагаем подобными сведениями, но известно, что некоторые командиры отрядов практиковали подобное. Так, помещик М. Гедройц, вербуя в свой отряд людей, обещал платить «за сутки шляхте 60 коп., а крестьянам по 30 коп. серебром» [4, с. 131].

Сам Титус Пусловский после поражения восстания оказался в Пруссии, откуда несколько раз предпринимал попытки вернуться в страну. Но, учитывая, что он проходил у властей по первой категории обвинения, вернуться без последствий ему было практически невозможно. Летом 1832 года он выехал во Францию, где и прожил до своей смерти в 1854 году.

1. См.: *Дьяков, В. А.* Социальный состав участников польского восстания 1830–1831 гг. (по материалам западных губерний Российской империи) / *В. А. Дьяков, В. М. Зайцев, Л. А. Обушенкова* // Историко-социологические исследования. – М.: Наука, 1970. – С. 19–60; *Митина, Н. П.* Социальный состав участников польского восстания 1830–1831 гг. (по спискам эмигрировавших и скрывшихся от репрессий) / *Н. П. Митина*. // Историко-социологические исследования. – М.: Наука, 1970. – С. 169–182; *Гарбачова, В. В.* Паўстанне 1830–1831 гг. на Беларусі / *В. В. Гарбачова*. – Мінск: БДУ, 2001. – 186 с.

2. См.: *Швед, В. В.* Ваўкавыскі павет падчас лістападаўскага паўстання 1830–1831 гадоў // Ваўкавышчына: з гісторыі краю і лесу людзей. Матэрыялы навукова-практычнай краязнаўчай канферэнцыі, 22 снежня 1995 года. – Ваўкавыск: Ваўкавыская ўзбуйненая друкарня, 1997. – С. 117–125; *Он же*. Удзел жыхароў Наваградскага павета ў паўстанні 1830–1831 гг. / *В. Швед* // Наваградскія чытанні. Матэрыялы навуковай канферэнцыі да 950 годдзя г. Навагрудка і 400 годдзя герба горада. – Мінск: Бел. выд. таварыства “Хата”, 1996. – С. 51–54; *Радзюк, А.* Паўстанне 1831 г. на Ваўкавышчыне // Ваўкавышчына: краязнаўчы часопіс. – 2007. – № 3. – С. 7–12; *Он же*: Паўстанне 1830–1831 г. на Гродзеншчыне: ход, задушэнне, наступствы // *Białoruskiezeszytyhistoryczne* – 2010. – № 34. – S. 39–71; *Карпович, О. В.* Социально-сословный состав участников восстания 1830–1831 гг. в Гродненской губернии // *Веснік ГрДУ імя Я. Купалы* – 2010. – Серыя 1, № 2. – С. 21–27; *Он же*: Участие

дворянства Беларуси в восстании 1830–1831 гг. // Вестник Брестского государственного технического университета. – Серия гуманитарные науки. – 2010 – № 6(76) – С. 10–14; *Он же* : Социально-сословный состав участников восстания 1830–1831 гг. в Минской губернии // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия История и Политология, 2012. – № 2. – С. 22–32.

3. *Dangel, S.* Rok 1831 w Minszczyźnie. T. 2. / *S. Dangel*. – Warszawa : Wyd. Instytutu badania ziem wschodnich Rzeczypospolitey Polskiej, 1925. – 189 s.

4. *Гарбачова, В. В.* Паўстанне 1830–1831 гг. на Беларусі / *В. В. Гарбачова*. – Мінск : БДУ, 2001. – 186 с.

5. *Воронков, И. А.* Польское восстание 1830–1831 гг. в Литве и Белоруссии : дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02 / *И. А. Воронков*. – М., 1951. – 430 с.

6. *Ильин, А.* 1831 год на Берестейском Полесье / *А. Ильин* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://brama.brestregion.com/nomer18/artic10.shtml> – Дата доступа : 03.12.2019.

7. *Feduszka, J.* Powstanie Listopadowe na Litwie i Zmudzi / *J. Feduszka* // TeKa Kom. Hist. OL PAN. – 2004. – № 1. – S. 110–160.

8. Белоруссия в эпоху феодализма. – Т. 4. – Минск : Наука и техника, 1979. – 376 с.

9. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 305. Следственное дело по обвинению руководителя мятежников Титуса Пусловского и членов его войска за участие в мятеже.

10. НИАБ. Фонд. 1. – Оп. 27. – Д. 64. Списки лиц, принимавших деятельное участие в польском восстании 1831 г. и показания их, данные следственной комиссии.

11. НИАБ. Фонд. 1. – Оп. 27. – Д. 65. Списки лиц, участвовавших в восстании.

12. *Луговцова, С.* Репрессии против повстанцев / *С. Луговцова* // *Гісторыя : праблемы выкладання* – 1999. – № 2. – С. 30–42.

13. *Гарбачова, В. В.* Удзельнікі паўстання 1830–1831 гг. на Беларусі : біябібліяграфічны слоўнік / *В. В. Гарбачова*. – Мінск : Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2004. – 398, [2] с.

Karpovich O. V. Actions of Titus Puslovsky's Rebel Group on Polesie in 1831

This November marks the 190th anniversary of the 1830-1831 uprising. The events of those distant years on the territory of modern Belarus are still an occasion for discussion and, for the most part, remain poorly studied. In this publication, based on previously unknown sources, an attempt is made to trace the main stages of formation, social composition, and combat operations of the rebel detachment of landowner Adam-Titus Puslovsky on the territory of Pinsk and Kobrin counties in the summer of 1831.

УДК 94(476)+94(438)

Кузьмич В. Н.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОГРАНИЧНЫХ СЛУЖБ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ НА БЕЛОРУССКОМ УЧАСТКЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ГРАНИЦЫ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Статья посвящена проблеме взаимоотношений между пограничными службами и местным населением на белорусском участке советско-польской границы. Автор рассматривает методы стабилизации ситуации в пограничном регионе с советской и польской стороны, касавшиеся жителей пограничья. В Польше пограничные службы старались наладить сотрудничество с местным населением, что способствовало развитию региона. В БССР была установлена система тотального контроля и преследования, что сказывалось на общем состоянии пограничья.

Система пограничной охраны на белорусском участке советско-польской границы оформлялась на протяжении почти двух десятилетий. Особенности политической и социально-экономической ситуации в регионе требовали повышенного внимания и значительных средств, направленных на стабилизацию пограничья.